

Съемки нового фильма «Вечная привязанность» с Линь Юйцином в главной роли наконец подошли к концу. Сегодня съемочная группа праздновала завершение работы в отеле «Бошань». Торжественный банкет проходил на тридцать втором этаже — прямо напротив конференц-зала, где компания «Хуаймэн» и корпорация Гу проводили деловые переговоры. Шумное веселье и официальную встречу разделял лишь длинный коридор.

Устав от лстивых речей и бесконечных тостов, Линь Юйцин улучил минуту, чтобы выйти подышать воздухом. Он и не подозревал, что у дверей уборной станет свидетелем столь интригующей сцены — классического противостояния хищника и еще более опасного противника.

Менеджер «Хуаймэн» по имени Чжоу Тун пользовался в индустрии дурной славой. Это был редкостный похотливый мерзавец, не брезговавший ни мужчинами, ни женщинами. Трусливый перед сильными и безжалостный к слабым, он обладал лишь одним сомнительным достоинством: продвигал по карьерной лестнице тех артистов, которых успел «обработать». Понимая, что новички больше всего боятся за свою репутацию и предпочтут промолчать, Чжоу Тун выбирал только беззащитных дебютантов. До сих пор эта грязная тактика работала безотказно.

Но сегодня его безупречный план дал трещину. Ловкий делец умудрился сесть в лужу, угодив в лапы к волку в овечьей шкуре.

Линь Юйцин с любопытством разглядывал незнакомого юношу. Незаурядная внешность и невероятное хладнокровие, с которым тот встретил случайного свидетеля сразу после своего «преступления», производили сильное впечатление.

Шан Хэн тоже никак не ожидал столкнуться с Линь Юйцином при таких обстоятельствах.

И дело было вовсе не в том, что над головой этого второстепенного персонажа горело имя из оригинального романа. Линь Юйцин сейчас находился на пике популярности. Его лицо мелькало на билбордах, в социальных сетях, на страницах журналов и в теленовостях. При такой известности сделать вид, будто ты его не узнал, было практически невозможно.

Шан Хэн быстро восстановил в памяти сюжет книги: главный герой должен был познакомиться с этим знаменитым актером гораздо позже, на съемках своего первого развлекательного шоу после подписания контракта. Сейчас же для Линь Юйцина он оставался безвестным прохожим.

Из кабинки донесся глухой стук: поверженный на пол похотливый менеджер наконец пришел в себя и попытался подняться.

Увидев у входа прославленного киноимператора, Чжоу Тун позеленел от ужаса. Если перед безвестным Шан Хэном, заснявшим компромат, он испытывал злость, то перед влиятельным в шоу-бизнесе Линь Юйцином робел по-настоящему.

Чжоу Тун натянул жалкую улыбку:

— Линь... Господин Линь, какая встреча. Вы тоже здесь?..

Линь Юйцин непринужденно улыбнулся:

— Да, в соседнем зале празднуем завершение съемок «Вечной привязанности». Вышел освежиться. А у вас тут... все в порядке? Помощь не требуется?

Он перевел взгляд на Шан Хэна, небрежно прислонившись к дверному косяку. Высокий, статный — настоящий манекенщик ростом под метр девяносто. Пиджак он оставил на банкете, а рукава белоснежной рубашки закатал до локтей, обнажая крепкие, мускулистые предплечья.

До того как попасть в этот мир, Линь Юйцин часто снимался в боевых сценах и даже подрабатывал каскадером, так что постоять за себя он умел.

Сердце Чжоу Туна ушло в пятки. С фигурами такого полета ему пересекаться почти не доводилось. Он лишь краем уха слышал, что Линь Юйцин — неисправимый эстет, обожающий красивых людей. Тот как-то раз даже заявил в интервью, что «красавцам можно простить любые прегрешения», чем вызвал нешуточный скандал в прессе.

Хотя этот парень много лет оставался один, его репутация неисправимого ловеласа шла впереди него. Он не раз вступался за симпатичных юношей и девушек, из-за чего таблоиды без конца смаковали подробности его бурной личной жизни.

Если Шан Хэн решит воспользоваться моментом и при Линь Юйцине раздует скандал... Чжоу Туна прошиб холодный пот. Из такой передряги ему точно не выбраться сухим!

Менеджер умоляюще уставился на Шан Хэна. Тот опустил ресницы, слегка отступил в сторону и спокойно произнес:

— Господин Линь, вы не так поняли. Между мной и господином Чжоу возникло небольшое недоразумение. Ничего страшного, мы уже во всем разобрались. Верно ведь, господин Чжоу?

Такой резкий поворот заставил Чжоу Туна едва ли не разрыдаться от облегчения. Спина его была мокрой от пота. И пускай этот наглый мальчишка сам загнал его в ловушку, сейчас менеджер испытывал к нему странную, почти рабскую благодарность за то, что тот не стал выносить сор из избы.

Быстро утерев лоб, Чжоу Тун выдохнул и выдавил натянутый смешок:

— Да-да, именно так! Обычное недоразумение, сущие пустяки.

Шан Хэн кротко улыбнулся:

— Господин Линь, я ваш преданный поклонник. Счастливая случайность, что я встретил вас здесь. Не откажете в автографе?

С этими словами он протянул раскрытую ладонь и заговорщически подмигнул актеру.

Линь Юйцин на секунду растерялся, но тут же сориентировался. Достав из кармана пиджака дорогую ручку, он размашисто расписался прямо на его ладони.

Шан Хэн с удовлетворением сжал кулак и сделал вежливый жест в сторону выхода:

— Тогда не смею вас больше задерживать, господин Линь.

Убедившись, что невозмутимый Шан Хэн и деревянный от страха Чжоу Тун скрылись за поворотом, Линь Юйцин прищурился. Губ его коснулась едва заметная усмешка.

Достав из кармана пачку, он выудил сигарету, щелкнул зажигалкой и затянулся. Сизый дым окутал его лицо, скрывая задумчивый взгляд, устремленный куда-то сквозь пространство.

В былые времена, когда на пике популярности были сюжеты о попаданцах, он сыграл немало подобных ролей. Но даже в кошмарном сне ему не могло присниться, что однажды он сам окажется внутри бульварного романа, по которому когда-то планировали снять дешевую драму, отвергнутую инвесторами еще на стадии разработки.

В прошлой жизни Линь Юйцин был безвестным актером массовки, лишенным связей и покровителей.

Сцены вроде той, что разыгралась в уборной, в шоу-бизнесе случались сплошь и рядом. Но чтобы кто-то из новичков смог не просто защитить себя, но и подчинить своей воле матерого хищника — такое он видел впервые.

Семь или восемь лет он перебивался эпизодическими ролями. Обладая яркой внешностью и отточенным мастерством, он вечно оставался за бортом успеха. Судьба будто издевалась над ним, подсовывая лишь безликих персонажей третьего плана.

Многолетняя борьба за место под солнцем так и не принесла ему славы. Его имя чаще мелькало в скандальной хронике, нежели в титрах хороших фильмов. А когда ему наконец-то улыбнулась удача и утвердили на главную роль, проект закрыли в тот же день.

А потом он заснул и проснулся знаменитым киноимператором, обладателем престижных кинонаград.

Первое ошеломление сменилось горькой иронией.

Видно, не суждено ему быть главным героем. Даже в вымышленном мире ему досталась второстепенная роль несчастного влюбленного, обреченного вести войну с соперниками ради благосклонности наивного протагониста. Сценарием ему предписывалось отказаться от свободы ради одной-единственной «чистой и хрупкой души». Глупость несусветная.

Но самое обидное — в финале этот преданный рыцарь оставался у разбитого корыта. Даже великолепно прописанный образ не спасал его от участи вечного утешителя на вторых ролях. От одной мысли об этом становилось тошно.

Линь Юйцин стряхнул пепел и затушил окурок о мелкий гравий в урне, выпустив напоследок плотное кольцо дыма.

Что ж, раз судьба забросила его сюда, придется приспосабливаться. Но играть роль покорного шута он больше не намерен. С какой стати ему становиться очередной ступенькой для чужого счастья и лишать себя всех радостей жизни ради блеклого сорняка?

Черта с два.

Едва шаги Линь Юйцина окончательно затихли вдали, Чжоу Тун вышел из тени за поворотом. Его лицо исказила гримаса злобы и растерянности, когда он уставился на стоявшего перед ним юношу.

Откуда только взялся этот выскочка? Чжоу Тун проклинал себя за то, что так глупо ошибся: за невинной внешностью скрывался расчетливый и опасный манипулятор.

Вспомнив, как легко этот мальчишка играл его эмоциями, менеджер невольно содрогнулся.

— Почему ты не выдал меня Линь Юйцину? — хрипло спросил он, пытаясь вернуть самообладание.

Шан Хэн мягко, обезоруживающе улыбнулся:

— Заряженный пистолет пугает сильнее, чем выстрел. Зачем тратить такой ценный козырь сразу?

Чжоу Тун задохнулся от возмущения, его веко нервно задергалось.

— Да кто ты такой?! Чем я тебе не угодил?

Шан Хэн примирительно развел руками:

— Я же сказал, я обычный новичок, который ищет свое место под солнцем. Мне нужны возможности для старта, вам — чистая репутация и хороший урок на будущее, чтобы вы больше не распускали руки. Согласитесь, идеальный расклад для нас обоих.

Менеджер злобно прищурился, в его голосе прорезалась угроза:

— Смелый парень. Не боишься, что я сотру тебя в порошок?

Шан Хэн неторопливо поднял правую руку и покачал раскрытой ладонью:

— Господин Линь оказался на редкость любезен. Вместе с автографом он оставил мне свой личный номер. Со мной-то вы, возможно, и справитесь, а вот хватит ли у вас духу тягаться с ним?

Лицо Чжоу Туна пошло пятнами. Осознав, что его загнали в угол, он процедил сквозь зубы:

— Твоя взяла, щенок. Я сдаюсь.

Поскольку Гу Линь решил не вмешиваться, охрана не стала преследовать ушедших. С помощью Чжоу Туна, обладавшего немалым весом среди персонала, Шан Хэн без труда вернулся обратно в банкетный зал.

Ускользнув из уборной, Шан Хэн все еще беспокоился о бокале со снотворным. Он быстро отыскал того самого официанта и спросил, вылил ли тот отравленный напиток.

Парень растерянно моргнул:

— Простите... Но тот бокал забрал господин Гу.

У Шан Хэна потемнело в глазах. Дело принимало скверный оборот.

Между тем переговоры между «Хуаймэн» и корпорацией Гу близились к успешному завершению.

«Хуаймэн» когда-то была ведущим игроком в сфере шоу-бизнеса, однако в последние годы дела компании шли на спад из-за отсутствия ярких звезд. Их главные конкуренты — консорциум Тяньхэ, принадлежащий влиятельной семье Вэнь, — напротив, штамповали популярных идолов один за другим.

Слияние с корпорацией Гу и вливание огромных инвестиций обещали перекроить весь рынок развлечений и развязать новую войну гигантов. Разумеется, это событие приковало к себе внимание всей прессы.

И хотя формально хозяевами вечера выступали руководители «Хуаймэн», главным объектом охоты для репортеров оставался молодой президент Гу Линь.

Во время свободной пресс-конференции журналисты обступили Гу Линя плотным кольцом. Оказавшись в эпицентре этой суматохи, он чувствовал, как от бесконечного шума и выкриков начинает раскалываться голова.

Обычно подобные интервью давались ему без труда — у Гу Линя был огромный опыт общения с прессой. Но сегодня все шло наперекосяк. Огромные хрустальные люстры под потолком слепили глаза, их яркий свет расплывался мутными пятнами, а голоса репортеров сливались в невыносимый монотонный гул.

Он опустил руки, незаметно сжав ткань брюк. Пальцы мелко дрожали, ладони взмокли. Накатывала странная слабость, мысли путались, а по венам разливался удушливый, лихорадочный жар. Кожа на шее и щеках покрылась пунцовым румянцем. Гу Линь крепко стиснул зубы, изо всех сил стараясь удержаться на ногах и сохранить бесстрастное выражение лица.

Действие препарата оказалось стремительным и сокрушительным. С того момента, как он почувствовал легкое недомогание, до полного помутнения сознания прошло всего несколько мгновений.

Выяснять, кто и когда подсыпал ему эту гадость, времени не было. Почти все силы уходили на то, чтобы не выдать своего состояния перед объективами десятков камер. Нужно было срочно уйти.

Но его безупречная выдержка сыграла с ним злую шутку: ни репортеры, ни личные телохранители, стоявшие поодаль, не заметили ничего подозрительного.

Гу Линь больше не мог говорить — любая попытка ответить на вопрос закончилась бы тяжелым, прерывистым дыханием. Сделав неверный шаг, он попытался поймать взгляд своего помощника, но в этот момент прямо перед ним вырос очередной настырный журналист, окончательно перегородив обзор.

Последняя надежда на спасение растаяла.

Лицо Гу Линя побледнело. Наплевав на этикет и приличия, он потянулся вперед, чтобы грубо растолкать толпу, но чья-то сильная рука мягко, но уверенно перехватила его за локоть.

— Прошу прощения, разойдитесь. Время для прессы вышло. У господина Гу срочная встреча. Всего доброго.

"Кто это?"

Ноги окончательно перестали служить Гу Линю. Он навалился всем телом на своего неожиданного спасителя и с трудом повернул голову.

Вспышки сотен фотокамер на мгновение ослепили его, но сквозь пелену он разглядел красивый профиль Шан Хэна. В этом безумном сиянии юноша казался нереальным, словно сошедшим с экрана кинотеатра. Опасная, завораживающая красота.

Дыхание Гу Линя перехватило, пульс участился.

Закрыв глаза, он подумал:

"Это просто бред. Игры отравленного разума".

Прямая трансляция с места событий велась на многих интернет-ресурсах и телеканалах. И следили за ней далеко не только те, кто находился в зале отеля.

В этот самый момент на другом конце города, в уединенной вилле на склоне холма, мягкий свет из окон столовой падал на гладь декоративного пруда, где лениво плавали золотые карпы.

В центре комнаты стоял круглый стол из темного вяза, уставленный изящной фарфоровой посудой с изысканными блюдами.

Хозяин дома, облаченный в традиционную шелковую рубашку глубокого черного цвета, неторопливо ужинал.

Рядом с ним сидел юноша лет двадцати, который то и дело ерзал на стуле, усердно выковыривая из тарелки кусочки зеленого перца.

— Брат, глянь новости! — воскликнул он, кивая на экран телевизора. — Эти выскочки из корпорации Гу прибрали к рукам очередное агентство. Они же открыто бросают тебе вызов!

Сидевшая напротив девушка лениво мазнула взглядом по экрану и вдруг удивленно округлила глаза:

— Ого... А этот парень рядом с Гу Линем очень даже ничего. Погодите-ка... Мне кажется, или он вылитый старший сын семьи Фан, который погиб два года назад?

Брат пренебрежительно фыркнул:

— Кто бы сомневался. Ты парней только по смазливym лицам и запоминаешь.

Сестра уже собиралась съязвить в ответ, но мужчина, сидевший во главе стола, аккуратно положил палочки для еды и дважды постучал согнутым указательным пальцем по деревянной поверхности. Звук был тихим, однако спорщики мгновенно притихли.

— За столом должно быть тихо, — негромко произнес он. В его мягком, бархатистом голосе не чувствовалось гнева, но от этого взгляда веяло неодолимым авторитетом.

Девушка послушно опустила голову, уткнувшись в пиалу с рисом.

Ее брат хотел было победоносно ухмыльнуться, но мужчина добавил тем же ровным тоном:

— И доешь перец. Нечего копать в тарелке.

Юноша мгновенно сник.

<http://bllate.org/book/20646/2109147>